

устраивались Правлением. Надо заметить, что по мере укрепления дела, доходы по этой статье уменьшаются, т.к. дело понемногу становится на более прочную и рациональную почву.

Вторым источником доходов в первые годы, и первым в последние, является абонентная плата, которая возрастала по мере расширения состава книг [8].

С 1 июля 1920 г., в соответствии с постановлением общего собрания членов библиотеки о добровольной национализации, приказом отдела народного образования Сочинского районного ревкома от 3 сентября 1920 г. общественная библиотека им. А.С. Пушкина была объявлена государственной. Комплектование ее стало осуществляться через библиотечный коллектор, открытый при отделе народного образования. Библиотека работает и по сей день [9].

Примечания

1. *Антоник В.Г.* Сочи: страницы прошлого и настоящего. Сб. статей. Сочи, 2003. С. 131.

2. Там же. С.132.

3. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.

4. *Антоник В.Г.* Указ. соч. С. 132.

5. АОАГС. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.

6. *Антоник В.Г.* Указ. соч. С. 132.

7. АОАГС. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.

8. АОАГС. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 10. Л. 48.

9. *Антоник В.Г.* Указ. соч. С. 132.

Ю.Н. Макаров (Сочи)

РАСКОЛ В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ: ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ И ЕГО ВНЕШНИЕ ПРИЧИНЫ (ВЕСНА – ОСЕНЬ 1922 Г.)

Кампания по изъятию церковных ценностей не только предусматривала ликвидацию остатков экономической самостоятельности Церкви и создание (параллельно с мобилизацией средств для помощи голодающим) золотого фонда РКП(б), предназначенного для решения задач хозяйственного строительства и поддержку планов «мировой революции», но была направлена на осуществление компрометации Церкви в глазах народа

(в первую очередь, населения голодающих регионов); провоцирование клира на действия, которые, с точки зрения советского законодательства, могли бы быть расценены как «противоправные» (что должно было послужить основанием для массовых уголовных преследований), а также нацелена на организацию раскола (на почве борьбы с голодом) в рядах ПРЦ посредством поддержки церковных групп и слоев, критически настроенных по отношению к руководству Московской Патриархии.

Впервые идея воспользоваться чрезвычайными обстоятельствами, сложившимися в России весной 1922 г., для консолидации антитихоновской оппозиции была высказана Л.Д. Троцким и учтена в постановлениях Политбюро от 13 и 23 марта.

«Комиссия по учету и сосредоточению ценностей» под председательством Троцкого на своем заседании 10 марта 1922 г. приняла решение «мобилизовать те элементы духовенства, которые стоят за изъятие ценностей», и дала поручение составить список священников, которых можно немедленно вызвать, в т.ч. из других городов [1].

В свою очередь, 12 марта 1922 г. «Комиссия по изъятию ценностей по Московской губернии» распорядилась обратиться в губисполкомы через ЦК помощи голодающим (ПомГол) шифром с предложением мобилизовать и выслать в Москву их Нижнего священников: Евдокимова, из Петрограда, Введенского и Заборовского, из Москвы, Калиновского С.В., Борисова И. и Быкова В., из Саратова, Русанова Н. и епископа Досифея (Протопопова). «Относительно использования Смоленского Филиппа, Орловского Амбросия и Московского Варнавы, запросить соответствующие органы», было записано в итоговом решении [2].

Уже 14 марта 1922 г. по линии ГПУ в ряд крупных губернских центров были направлены телеграммы, предписывавшие мобилизовать «осведомителей – церковников, проваленных, непригодных» для использования на местах, и командировать их в Москву для временной агитационной работы. Одновременно в Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Самаре, Петрограде спецслужбы активизируют усилия, дабы побудить лояльные элементы из числа «низшего духовенства» выступить против церковного руководства под лозунгами созыва нового Поместного Собора «для решения судьбы Патриаршества и старой... иерархии», смены руководства ПРЦ и установления нормальных отношений между церковью и советской вла-

стью [3]. Такого рода начинания аргументировались необходимостью довести до логического завершения «то движение, которое возникло в недрах церкви на почве изъятия ценностей» [4].

Начиная с 23 марта (как уже было сказано выше), на страницах советской прессы устами просоветски настроенных священнослужителей разворачивается кампания по дискредитации церковной верхушки. Патриарх и его окружение обвиняются в промонархических пристрастиях и симпатиях к белоэмигрантскому духовенству, в саботаже правительственных решений о церковных ценностях, подстрекательстве верующих к противодействию советским органам, в использовании религии в политических целях. В конце марта 1922 года в «Известиях» публикуется список врагов народа с именем Патриарха во главе.

30 марта 1922 г. Л. Троцкий направляет в Политбюро очередное письмо с изложением своего видения государственной политики по отношению к ПРЦ на ближайший период [5]. В нем речь шла, в частности, о том, что в Православной Церкви явно обозначились два течения: контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и т.н. «советское», соглашательское, «сменовеховское». По мнению Троцкого, если бы второе течение получило возможность беспрепятственно развиваться, то оно (в силу его маскировочной окраски) могло бы оказаться для большевиков более опасным соперником, чем тихоновская Церковь. Сменовеховство в церкви – опаснейший враг, – указывал Троцкий, – но это противник завтрашнего дня. А в сегодняшних условиях надо опереться на сменовеховское духовенство и использовать его для того, чтобы повалить контрреволюционную часть церковников. Взять просоветских попов на учет, советовал Троцкий, – «поддерживать... неофициально», дать возможность сменовеховскому духовенству «открыто высказываться в определенном духе» (иметь свой печатный орган – издавать еженедельники в разных концах страны), ибо «нет более бешеного ругателя как оппозиционный поп». Чем более решительный, резкий, бурный и насильственный характер примет разрыв сменовеховского крыла с черносотенным, тем выгоднее для власти. «Мы должны... заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; ...заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной ие-

рархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии». К моменту же созыва собора нам следует «теоретически и политически подготовиться ко второй кампании», теперь уже против обновленной Церкви: раз «просто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш». Все вышеперечисленные предложения Л. Троцкого были поддержаны руководством партии.

10 апреля 1922 г. на места рассылается шифротелеграмма ЦК РКП(б) (копия – губотделам ГПУ) от №2107 за подписью Сталина: «Согласно постановления совещания секретарей губкомов на девятом съезде партии. ЦК РКП(б) обязывает все губкомы в трехдневный срок по получении настоящего сообщить ЦК копию ГПУ, кто назначен Губкомом руководить церковной политикой губернии [6]. 18 апреля 1922 г. следует повторная шифровка ЦК № 226 за подписью Сталина: «Первое. Выделен ли вами ответственный работник по руководству работой, связанной с вопросами церкви и раскола внутри духовенства. Необходимо в согласии с решением совещания секретарей губкомов и губисполкомов принять меры к тому, чтобы взять на учет лояльные элементы духовенства и пробудить их выступить против нынешней церковной иерархии, которая выступила против нынешней церковной иерархии, которая выступила контрреволюционно против Советской власти... Лояльные элементы духовенства должны получить уверенность, что Советская власть, не вмешиваясь во внутренние дела церкви, не позволит контрреволюционным иерархам расправиться над демократическими элементами духовенства». Второе. Надо всемерно подталкивать лояльных попов на (созыв?) нового поместного собора для смещения контрреволюционного Патриарха и его клики... Третье. Работу... надлежит вести энергично, дабы довести до конца то движение, которое возникло в недрах церкви на почве изъятия ценностей» [7].

Тем временем на местах (Ростов-на-Дону и др.) из оппозиционно настроенных священнослужителей начинают создаваться «бюро для оказания противодействия епископской власти». В начале апреля 1922 г. секретный отдел (СО) ГПУ персонально вызывает в Москву А. Введенского (возглавлявшего «Петроградскую группу прогрессивного духовенства»), Вл. Путяту, архиепископа Нижегородского Евдокима (Мещерского) и других оппозиционеров. Организационную работу

(финансируемую «из сметы средств, шедших на изъятие церковных ценностей») среди «прогрессивного духовенства», собравшегося в столице, ведут начальник Московского губотдела ГПУ Ф.Д. Медведь, уполномоченный VI отделения МГубО ГПУ М. Шмелев, известный антирелигиозник (в прошлом православный священнослужитель) М. Галкин [8]. 3 апреля 1922 г. «Комиссия по изъятию ценностей по Московской губернии» поручила М.В. Галкину созвать инициативное собрание священников, стоящих за изъятие церковных ценностей [9].

Бюро ЦК по изъятию церковных ценностей 10 апреля и Политбюро от 12 апреля 1922 г. (опросом) согласились с предложением Троцкого о допущении епископа Антонина Грановского в ЦК ПомГола, об его использовании в пропагандистском прикрытии настоящих целей кампании по изъятию и намечаемом церковном расколе (тем самым, Антонин был назначен, по сути, единственным главным ответственным лицом «советской» обновленческой церкви) [10].

19 апреля 1922 г. на квартире священника С. Калиновского (бывшего члена «Союза русского народа», настоятеля Гребневской церкви на Лубянке) в присутствии епископа Антонина (с 13 апреля 1922 г. уже введенного в состав ЦК ПомГола) прошло общее собрание оппозиционеров (еп. Антонин, священники Калиновский, Борисов, Николостанский, уполномоченный VI отделения СО Московского губотдела ГПУ М.М. Шмелев и М. Галкин). Духовенству было сказано примерно следующее [11]: Церковь как политическая организация больше существовать не будет. Зафиксируйте на бумаге, что осуждаете всякую политическую деятельность, идущую вне действительно церковных задач. Присутствующие обсудили проект специального воззвания представителей «прогрессивного духовенства» Москвы, Петрограда и Саратова к «Верующим сынам Православной Церкви» и высказались за издание специального обновленческого печатного органа. Своим острием предложенный их вниманию документ был направлен против тех иерархов и пастырей, которые оказывали противодействие государству в его стремлении помочь голодающим. В нем сообщалось о готовящемся созыве Собора для суда над виновниками церковного развала, решения вопроса об управлении Церковью и установления нормальных отношений между ПРЦ и советской властью. Вместе с тем, духовенство (особенно Антонин) призывало к сугубой осто-

рожности, опасаясь, «будет ли достаточно для этого движения одной поддержки Соввласти... священство должно иметь за собою хотя бы незначительное количество верующих» и опираться на «идею» [12].

8–9 мая 1922 г. сотрудники ГПУ привезли из Петрограда группу просоветски настроенных священнослужителей (А. Введенского, Е. Белкова и др.), к которым уже в Москве присоединились В.Д. Красницкий и два саратовских протоиерея Н. Русанов и С. Ледовский. 10 мая состоялось совещание заговорщиков, посвященное отработке деталей плана по отстранению Патриарха от руководства Церковью [13]. 14 мая на страницах «Известий ВЦИК» (за подписями епископа Антонина (Грановского) и 8 священников) публикуется текст обращения «прогрессивного духовенства» к членам ПРЦ (обсужденный «заговорщиками» еще 19 апреля, одобренный Политбюро ЦК 12 мая 1922 г. и датированный 13 мая) [14]. Одновременно, чтобы укрепить авторитет раскольников в глазах верующих, Политбюро по предложению Л. Троцкого принимает решение (11 мая 1922 г.) отменить несколько расстрельных приговоров, вынесенных по итогам Московского судебного процесса, представив дело таким образом, будто бы власти пошли навстречу просьбам (от 10 мая в адрес ВЦИКа) лояльных священнослужителей [15].

29 апреля (12 мая) 1922 г. оппозиционерам во главе с А. Введенским, по инициативе ГПУ допущенным на Троицкое подворье, удастся (под предлогом все затягивающейся изоляции Тихона и под якобы полученное от властей разрешение на созыв очередного Поместного Собора) вырвать у находящегося под домашним арестом Патриарха, согласие на передачу обязанностей по управлению Церковью митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому) или митрополиту Петроградскому Вениамину (Казанскому) (как это было предусмотрено Соборным постановлением от 25 января 1918 г.) [16]. О принятом решении («ввиду крайней затруднительности в Церковном Управлении, возникшей от привлечения меня к Гражданскому Суду») Патриарх 3/16 мая 1922 г. письменно ставит в известность М.И. Калинина и самого Агафангела [17]. Но ни Агафангел (отказавшийся 5 мая 1922 г. публично осудить «контрреволюционную» деятельность патриаршей верхушки), ни Вениамин (давший подписку о невыезде) из-за противодействия ГПУ прибыть в столицу в тот момент не смогли. Сложившимся вакуумом церковной

власти незамедлительно воспользовались деятели из вышеупомянутой «инициативной группы». После переговоров с М.И. Калининым (15 мая) они объявляют (16 мая) о формировании нового Высшего Церковного Управления (ВЦУ) и 5 (18) мая «убеждают» Тихона (ссылками на положительное отношение властей к факту создания ВЦУ) предоставить Патриаршую канцелярию на время, необходимое Агафангелу для того, чтобы добраться до Москвы, в распоряжение еп. Клинского Иннокентия Летяева и еп. Верненского Леонида Скобеева (кандидатуру еп. Антонина Грановского Тихон категорически отклонил), которым, таким образом, поручалось принять и передать митрополиту Агафангелу синодальные и патриаршие дела (т.е. выполнить чисто посреднические функции). Вслед за этим, интерпретируя порученное им исполнение чисто посреднических функций как фактическое отречение Патриарха, оппозиция заявляет о сосредоточении в ее руках всей полноты синодальной и патриаршей власти. Вечером 18 мая происходит распределение портфелей внутри ВЦУ: епископ Леонид получает председательский пост, А. Введенский и В. Красницкий (отсутствовавший на заседании) – заместительские должности. После того, как 19 мая Патриарха заключают под домашний арест в келье Донского монастыря [18], и в тот же день ВЦУ вселяется в покои Тихона на Троицком подворье. Таким образом, осуществляется, по сути, церковный переворот, в ходе которого (как впоследствии подтвердит один из обновленческих теоретиков проф. Б. Титлинов), инициативная группа приходит к руководству Церковью «в порядке революционном, внеканоническом и, если угодно, антиканоническом» [19]. 19 мая в составе ВЦУ происходят кадровые изменения: во главе Управления становится епископ Антонин (с 23 июля / 6 августа – архиепископ), функции его заместителей выполняют епископ Леонид, священник В. Красницкий и протоерей А. Введенский (в июне 1922 г., получив серьезное ранение в момент нападения со стороны фанатичных сторонниц Патриарха, он на 2 месяца будет лишен возможности активно воздействовать на ситуацию) [20].

14 мая 1922 г. Троцкий настаивает (в шифротелеграмме, направленной в адрес Политбюро) на необходимости самым активнейшим образом поддержать церковную смуту, аргументируя это тем, что отделение конфессиональных структур от государства вовсе не означает безразличного отношения

власти к тому, что творится в Церкви (как в «материально-общественной организации, а не как общине верующих»). Он полагает целесообразным, «...не скрывая нашего материалистического отношения к религии, не выдвигать его, однако, в ближайшее время на первый план, дабы не толкать обе стороны к сближению...». 16 мая 1922 г. Политбюро переправило (без протокольного оформления) содержание телеграммы Л. Троцкого редакторам ведущих газет в качестве партийной директивы, требуя шире информировать население о движениях в ПРЦ, «оглашая и комментируя сменовеховские голоса» [21].

26 мая 1922 г. Политбюро, обсудило, одобрило и возвело в ранг официального партийного решения текст очередного письма Л. Троцкого («В Политбюро» от 24 мая), содержавшего детальный анализ расстановки сил, сложившейся на левом фланге ПРЦ [22]. Троцкий указывал на наличие в стане обновленцев трех группировок:

- сторонников сохранения патриаршества и выборов лояльного Патриарха;
- сторонников уничтожения патриаршества и создания органа коллегиального управления ПРЦ (лояльного Синода);
- сторонников полной децентрализации церковного управления (Церковь как совокупность самоуправляющихся религиозных общин).

«Централизованная церковь при лояльном и фактически бессильном патриархе имеет известные преимущества, – писал Троцкий. – Полная децентрализация может сопровождаться более глубоким внедрением церкви в массы путем приспособления к местным условиям. Возможна, наконец, и даже вероятна такая комбинация, когда часть церкви сохраняет лояльного патриарха, которого не признает другая часть церкви, организуемая под знаменем Синода или полной автономии общин. В конце концов, такая комбинация была бы, пожалуй, самой выгодной». «Полагаю, что нам пока нет надобности ангажироваться ни в одном из этих направлений (даже неофициально)». Гораздо важнее сделать так, чтобы между ними разгорелась серьезная борьба» (оттянуть дату созыва Собора, занять выжидательную позицию).

Все высказанные Троцким соображения и рекомендации были последовательно и скрупулезно проведены в жизнь партийными и чекистскими органами [23].

16 (29) мая 1922 г. ГПУ (в лице Ф.М. Медведя) созывает «учредительное собрание», которое официально оформляет сам факт создания «Группы православного белого духовенства «Живая Церковь» (далее – ЖЦ) во главе с прот. В. Красницким, а также одобряет ее основные программно-уставные документы «Основные положения группы православного духовенства и мирян – «Живая Церковь» (их безоговорочно поддержала лишь четверть присутствовавших), избирает ЦК «ЖЦ» (по другим сведениям это произойдет 4 июля вместе с утверждением устава) в составе 10 чел. (Президиум – протоерей В. Красницкий, священники Е. Белков и Д. Соловьев), а также утверждает состав ВЦУ (в том виде, как он сложился на 18 мая) [24].

Живоцерковники в противовес ортодоксальной концепции формулируют свою собственную альтернативную линию церковного развития, предполагавшую проведение ряда реформ канонического, богослужебного и даже вероучительного плана [25], суть которых сводилась к следующему:

а) Социально-политический аспект. Совместимость (фактически – тождество) идей христианства и социализма; признание «справедливости» Октябрьской революции, политическая лояльность Церкви по отношению к советской власти, якобы воплощающей в жизнь идеалы первоначального христианства.

б) Литургическая реформа. Освобождение литургических форм от суеверий, остатков язычества и более поздних наслоений. Борьба с бездушным церемониализмом и упрощение богослужения, приближение его к народному пониманию [в последующем – русификация]. Обеспечение свободы пастырского творчества в области богослужения; широкая вовлеченность мирян в богослужебную практику (вплоть до церковного учительства).

в) Догматическая реформа. Возвращение к первохристианским основам, к «подлинным евангельским и апостольским принципам веры и нравственности», затемненным впоследствии «схоластикой и школьным богословием». Пересмотр церковной догматики с целью выделения тех ее особенностей, которые были внесены в нее «бывшим в России строем». Предусматривался ряд конкретных изменений в церковных догматах, отчасти в духе светского богословия: научно-философское, а не религиозно-мифологическое осмысление

мира (мир эволюционировал «Божьей волей», но посредством естественных процессов); отрицание значимости монашеской аскезы (опровержение монашеского учения о спасении путем отрицания мира и допущение возможности спасения души в мирских условиях путем добровольного выполнения обычных жизненных обязанностей); наряду с творческой силой Божией признание созидательных сил природы; отношение к Богу не как к карающему началу, а как к источнику нравственности (Спаситель – Бог любви, а не Судия; понятия «Страшного суда» и «Ада» следует понимать этически).

г) Каноническая реформа. Устранение устаревших канонических правил. Борьба с деспотизмом епископской власти и отстранение монахов от церковного руководства. Брачный епископат. Допущение второбрачия духовенства [26]. Ограничение или даже полная ликвидация института монашества.

д) Приходская реформа. Соборное (не патриаршее) управление Церковью. Демократизация приходской жизни, вплоть до выборов мирянами клира и епископата (пункт, вызывавший особые споры), максимально активное участие мирян и низшего духовенства в делах Церкви, равное представительство епископов, клириков и мирян в Высшем и епархиальном церковном управлениях.

Таким образом, ЖЦ декларировала стремление революционизировать Церковь, трансформировать традиционные формы обрядности и канонический строй церковного управления, перешагнув при этом через основополагающие для православия экклезиологические, литургические и догматические принципы. Как станет ясно впоследствии, ЖЦ слишком далеко зашла в своем реформаторском рвении, пытаясь совместить несовместимое – поставить определение степени православного благочестия в зависимость от политического мировоззрения верующего [27]

Естественно, подобного рода инновации в головах живоцерковников зародились не случайно и они, в известной мере, соответствовали общественным реалиям того времени и умонастроениям определенных церковных кругов. Среди факторов, в разной степени оказавших влияние на возникновение обновленческого движения, упомянем:

– весьма устойчивые антимонашеские настроения городского белого духовенства (как следствие кастовой замкнутости небрачного епископата);

– традиции «социального христианства», идущие от Св. Иоанна Златоуста. Обновленцы были убеждены в том, что принципы коллективизма в православии извращены, представления о соборности начала XX в. (форма торжества епископской олигархии) ничего общего с «христианским коллективизмом» не имеют, что подлинное единение людей на евангельских началах возможно лишь при переосмыслении задач Церкви, перенесении акцента с проблемы борьбы с личными грехами на проблему борьбы с социальным злом [28].

– некоторая преемственная связь радикально-реформаторских, социально-революционных исканий (в Церкви и вне ее) 1905–1922 гг. Известная часть деятелей Церкви действительно желала реформ, хотя первоначально не могла знать каких конкретно сторон церковной жизни эти преобразования коснутся, как далеко они зайдут, и в какой форме будут осуществляться;

– политический сервилизм части иерархии и духовенства, тяготение к союзу с государством, что являлось своеобразной отрыжкой традиционных идей церковно-государственной симфонии, следствием привычки находиться под государственным началом (даже быть послушным орудием государственной власти);

– надежды на то, что обновленная Церковь сможет не только легально сосуществовать с новой властью, но и вернуть в свое лоно отпавшую часть паствы;

– известное влияние на русских обновленцев Константинопольской Патриархии (возглавлявшейся Патриархом Мелетием IV), декларировавшей в 1923 г. намерение осуществить следующие всеправославные реформы: ввести женатый епископат, допустить второбрачие духовенства, сократить и ослабить посты, перейти на григорианский календарь, упростить одеяния духовенства, упразднить ношение бород и длинных волос и др.;

– развитие обновленчества в ПРЦ хронологически совпало с возникновением сменовеховского движения в кругах российской эмигрантской интеллигенции, увидевшей в нэпе признаки эволюции большевистского режима от марксистского интернационализма к российской национально-авторитарной государственности (поэтому среди сменовеховцев оказалось немало деятелей откровенно монархического толка, в прошлом входивших в «Союз русского народа»). Советская печать

справедливо указывала, что «современное» церковное реформаторство «является своеобразным приспособлением духовенства к НЭПу» [29].

Таким образом, условия массового голода 1921–1922 гг. дали властям уникальную возможность добиться осуществления раскола в Православной Церкви на почве изъятия церковных ценностей путем поддержки оппозиционно настроенных по отношению к патриаршей «верхушке» церковных групп, их консолидации, создания параллельного центра церковной власти, т.н. «Живой Церкви».

Примечания

1. Политбюро и церковь. Т. 2. С.41–42.
2. Политбюро и церковь. Т. 2. С.48.
3. *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории Русской церковной смуты 20-30-х гг. С.69.
4. Политбюро и церковь. Т.1. С.44–48; ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.725. Л.42.
5. Политбюро и церковь. Т.1. С.161–164, 485.
6. Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской православной церкви. 1888–1932. С.317.
7. Сосуд избранный... С.312, 316.
8. Политбюро и церковь. Т.1. С.44–48, 77, 307–308, 471.
9. Политбюро и церковь. Т. 2. С.131.
10. ГА РФ. Ф.1235. Оп.140. Д.59. Л.39–39об.
11. Политбюро и церковь. Т.2. С.186.
12. Политбюро и церковь. Т.1. С.44–48; Т.2. С.192–194; *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. С.138.
13. См. *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви (1917 - 1990 гг.). С.47.
14. Политбюро и церковь. Т.1. С.44–48, 77, 307–308, 471; т.2. С.233–234; *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. С.138.
15. Политбюро и церковь. Т.1. С.217–222, 232–236, 241.
16. РО ГМИР. Ф. 4. Оп.2. Д.97. Л. 22–24.
17. Политбюро и церковь. Т.1. С.51; Т.2. С.237.
18. *Петров С.Г.* Секретное делопроизводство Политбюро... С.218.
19. *Шкаровский М.В.* Петербургская епархия...С.63–64.
20. *Регельсон А.* Трагедия Русской Церкви (1917–1945 гг.). С.238.
21. Известия ЦК КПСС. 1990. №4. С.196–197.
22. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.294. Л.3, 9–10; Политбюро и церковь. Т.1. С.180–182.
23. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.509. Л.87–95; Ф.89. Оп.4. Д.118. Л. 4–6; Д.164. Л. 3–5; Отечественные архивы. 1993. №6. С. 70–71.
24. Исторический архив. 1993. №2. С.76.
25. Программа «ЖЦ», в общих чертах обнародованная на Учредительном собрании группы 16 (29) мая 1922 г. (Живая церковь. 1922. №3. С.11), более развернуто была представлена на съезде «ЖЦ» 6-17 ав-

густа 1922 г. (*Левитин А., Шаевров В.* Очерки по истории Русской церковной смуты 20-30-х гг. С.119–121).

26. Священники, согласно декрету о гражданском браке от 18.12.1917 г., имели право вступать во второй брак.

27. *Шкаровский М.В.* Петербургская епархия... С.94; *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви (1917–1945 гг.). С.75, 78.

28. *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции... С.18.

29. Коммунист (Харьков). 1922. 22 нояб.

И.А. Ермачков, А.А. Черкасов (Сочи)

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СОЧИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

В последнее время все большую популярность в городе Сочи приобретают вопросы развития физкультуры и спорта в регионе. Это отчасти продиктовано планами проведения зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г., и увеличивающимся потоком отдыхающих. Такая тенденция объясняется, прежде всего, тем, что у города-курорта Сочи есть огромный потенциал для развития спортивной базы. Ему благоприятствует сама природа: мягкий климат, сложный рельеф, наличие теплого моря. Однако одних лишь предпосылок для развития организованной физкультуры и спорта недостаточно, необходима еще и материально-техническая база, позволяющая в полной мере удовлетворить потребность человека в отдельных видах спорта.

Рассмотреть развитие физкультуры и спорта в Сочи в конце XIX – первой половине XX вв. – цель данного исследования. Для уяснения вопроса необходимо разграничить два понятия, которые в обыденной жизни часто путают – «физкультура» и «спорт». Под физической культурой следует понимать часть общей культуры общества, которая отражает способности физкультурной деятельности, результаты, направленные на освоение, развитие и управление физическими и психическими способностями человека, укрепление его здоровья, повышение работоспособности. Спорт – это составная часть физкультуры, основанная на использовании соревновательной деятельности и подготовке к ней [1].